

Р. Р. Вахитов

**БОЛГАРСКИЙ ФОН ЕВРАЗИЙСТВА:
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СУДЕБ**
(рецензия на книгу Йордана Люцканова
«Раннее евразийство и его болгарские соседи.
(Не)Мыслимость Другого(гих)»)

В рецензии анализируется книга болгарского исследователя Йордана Люцканова «Раннее евразийство и его болгарские соседи. (Не)Мыслимость Другого(гих)», посвященная болгарской теме в раннем творчестве евразийцев 1920-х гг., а также отзывам на евразийство в Болгарии и схожим с евразийцами болгарским интеллектуалам. Помимо обзора книги критикуются взгляды ее автора на отношения евразийства и русского национализма и русско-болгарские отношения.

Ключевые слова: евразийство, Болгария, «Другой», персонализм, национализм.

Русское классическое евразийство, как известно, родилось в Болгарии. Однако, как правило, Болгария предстает лишь фоном появления и развития евразийских идей. Это и понятно: основоположники движения (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский) оказались там случайно, провели в ней не так много времени — уже в 1922 г. эмигрантская судьба разбросала их по разным центрам русского изгнания — в Берлин, Вену, Париж, Прагу. Никаких глубоких контактов с болгарскими интеллектуалами они не имели, так как были далеки от традиционных для славянофилов тем славянского братства.

Но парадоксальным образом как раз поэтому раннее евразийство, возникшее в Болгарии, но равнодушное к болгарам и не предлагающее им участия в своем проекте будущей России (как это делали, например, панслависты), привлекло внимание болгарского исследователя Йордана Люцканова. В начале своей книги «Раннее евразийство и его болгарские соседи. (Не)Мыслимость Другого(гих)» (София, 2012 г., на болгарском языке¹) он пишет,

Рустем Ринатович Вахитов — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (г. Уфа) (Rust_R_Vahitov@mail.ru).

¹ Люцканов Й. (По)мислимостта на друг(ия): ранното евразийство и българските му съседи. София, 2012. Сердечно благодарю доктора Йордана Люцканова за предоставленную мне рукопись русского перевода книги.

что такая позиция евразийцев — вызов для болгарского национального сознания и в то же время проверка его на прочность. Оставив Болгарию вне российского проекта, евразийцы как бы призывают болгар разработать и реализовать свой собственный проект, стать субъектом, Другим.

Автор видит задачу своей книги в том, чтобы «идентифицировать болгарского Другого» в «евразийских» текстах, вышедших в Болгарии, и, шире говоря, интерпретировать евразийство через призму персоналистской «философии диалога», заявку на которую мы находим в ранних работах Н. С. Трубецкого. Кроме того, Люцканова интересует реакция на евразийство в болгарской печати начала 1920-х гг. Наконец, предмет его исследования — концепции болгарских интеллектуалов, современных евразийцам, также критиковавших европоцентризм и рассуждавших о Туране, но почти без связи с евразийством.

Через всю книгу красной нитью проходит мысль о русско-болгарском диалоге, о его трудности, а может, даже невозможности.

В первой главе «Русское евразийство начала 20-х гг.» Люцканов анализирует работы евразийцев «болгарского периода». Это прежде всего «Европа и человечество» Н. С. Трубецкого (София, 1920), «Европа и Евразия» (рецензия на «Европу и человечество») П. Н. Савицкого (журнал «Русская мысль», София, 1921), первый сборник евразийцев «Исход к Востоку» (София, 1921), а также некоторые работы Г. В. Флоровского и Г. В. Вернадского. Люцканов видит в этих евразийских текстах метафизическую подоплеку, восходящую к философии всеединства В. С. Соловьева. Он проводит параллель между рассуждениями евразийцев о культуроличностях и философией диалога Бахтина и Бубера. Высоко оценивая заявку на такую философию у евразийцев, он утверждает, что они не смогли удержаться «на высоте своей исторической задачи» и «пали» до русского мессианизма и национализма. При этом в «Европе и человечестве» Трубецкого, согласно болгарскому ученому, в гораздо большей степени воплощен идеал «диалогического этического, конкретного множественно-личностного всеединства» (он ставит «Европу и человечество» Трубецкого в один ряд с «Закатом Европы» Шпенглера, «Ориентализмом» Саида, «Мультикультурализмом» Тейлора), а в рецензии на нее Савицкого и в «Исходе к Востоку» и в евразийских текстах Флоровского уже наблюдается редукция, примитивизация этой позиции (один из параграфов книги Люцканова так и называется — «Рождение евразийства как грехопадение»). Болгарский исследователь считает, что вопреки отстаиваемой Трубецким идее множественности и равноценности

культур и цивилизаций позднее евразийцы вводят культурно-философский монолизм, говоря о русско-евразийской цивилизации как стоящей выше «шовинистичного Запада». Отвергнув европоцентризм, они создают такую же моноцентрическую идеологию, но в центре у них уже Россия-Евразия и русская культура.

Он обращает внимание на то, что в предисловие к «Исходу к Востоку» предлагается азиатским и восточно-европейским народам приобщаться «к мыслимой сфере мировой культуры Российской»², но не наоборот, т. е. русские здесь вроде бы оказываются в центре, а остальные народы России и Восточной Европы — на периферии. В том же предисловии евразийский мир называется российским. Люцканов своеобразно трактует термин «российский», непонятный болгарскому читателю (в болгарском языке слово «российский» и означает «русский»): «российский» отсылает к культуре и государству, а не к этничности, отсюда якобы все, что только лишь этнично (армянское, грузинское, татарское), позиционируется как докультурное, варварское. Восприятие евразийцами русской культуры как срединной в Евразии (поскольку в ней переплетено и славянское, и туранское) Люцканов трактует также как уклон евразийства в русский национализм (и в этом смысле, по его мнению, евразийство наследует русскоцентричному панславизму).

Савицкого болгарский исследователь упрекает в делении народов Евразии на «культурно сильные» (к которым относятся, конечно же, русские) и «культурно слабые», вменяя ему в вину неосторожно брошенную фразу из ранней, кое в чем еще доевразийской рецензии: «...на слабейших народах Евразии может тяготеть российское иго, однохарактерное иго романо-германскому»³. Флоровского Люцканов также обвиняет в европоцентризме, потому что тот видел в христианстве мост между Россией и Европой (любопытно замечание Люцканова: насколько можно говорить о культуре Европы, по крайней мере, современной — и Флоровскому, и нам — как о христианской?). Болгарский исследователь не согласен с Флоровским в том, что позиция Трубецкого — научная, безоценочная, тогда как требуется привнести оценочный, нравственный момент при разговоре о культурах: Трубецкой — персоналист и сама постановка проблемы личности содержит в себе оценку.

² Исход к Востоку / под ред. О. С. Широкова. М.: Добросвет, 1997. С. 52.

³ Савицкий П. Н. Европа и Евразия // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1998. С. 157.

Было бы логичным считать, что и открытому, и скрытому национализму (будь он западный или русско-евразийский) Люцканов противопоставляет мультикультурализм (в современном понимании). Но и это не так. Мультикультурализм, по его мнению, тоже латентный западоцентризм, поскольку он предлагает представителям других народов, живущим на территории Запада, действовать по правилам Запада, лишь делая вид, что они сохраняют самобытность, и это в то время, как на их родных землях их культура унифицируется по образцу западной. Таким же лжеантиколониалистским мультикультурализмом — только для Евразии — является, по Люцканову, евразийство «Исхода к Востоку» (но не евразийство «Европы и человечества», которое болгарский автор оценивает очень высоко, находя в нем подлинно христианские персоналистические интуиции!). Эта критика мультикультурализма и евразийства у Люцканова ведется с позиций православной философии: он замечает, что идея единой монологичной истории противоположна христианской концепции соборности (которую, напомню, он трактует через Бубера и Бахтина). В союзники он берет опять же Н. С. Трубецкого, апеллируя к его статье 1923 г. «Вавилонская башня и смешение языков», где говорилось, что тезис о христианстве как Благой вести, данной от Бога, вполне совместим с тезисом об относительности культурных ценностей, поскольку они созданы людьми.

С этой уже готовой оценкой евразийства Люцканов приступает к рассмотрению болгарской культуры у евразийцев. Поскольку основоположники евразийства в болгарский период своего творчества ничего о Болгарии не писали (сам факт неупоминания болгар при явном интересе к туранцам-кочевникам — а ведь болгары тоже имеют в своем этногенезе восточный номадический след в лице волжских булгар — для Люцканова показателен), он обращается к поздней работе Г. В. Вернадского «Евразийское начертание русской истории», опубликованной в 1927 г. в Праге. И конечно, там он также вычитывает снисходительно-высокомерное отношение «большого народа» к «малому», которое, по словам исследователя, знакомо болгарской интеллигенции по панславистскому проекту.

Вторая глава книги носит название «Болгарские отзывы на ранние евразийские тексты». Люцканов анализирует отзывы в литературной газете «Разговор» и в журналах «Весы», «Славянский голос», «Духовная культура», «Современник». Большинство из них написаны с западных позиций. Показателен отзыв Христо Гяурова, который видел

в европейской культуре результат творчества множества народов, а вовсе не только романо-германцев и сравнивал «умную книгу Трубецкого» с ароматным яством, в котором спрятан яд. Люцканов резко критикует этого рецензента именно с позиций персонализма Трубецкого, причем даже не скрывая этого.

Другой рецензент, отзыв которого представляется Люцканову важным, — Стефан Младенов, будущий выдающийся болгарский филолог. Младенов сочувственно отнесся к евразийству и связал трагедии русской и болгарской истории начала XX в. с отсутствием настоящего самопознания, о чем писал и Трубецкой. С этих позиций он критикует и «неистинный» мемориальный музейный национализм. Чувствуется, что Люцканову близка идея, которую высказал Младенов: евразийцы не предлагают болгарам панацеи для решения их проблем, но методологически евразийство полезно болгарам, потому что культура, по евразийцам, — не музей, а импровизации.

Люцканов находит у Младенова неожиданную поддержку доказываемого им ранее тезиса о том, что вопреки мнению Флоровского философия культуры Трубецкого носит не абстрактно-научный, безоценочный, а вполне этический характер. Оказывается, при переводе названия книги Трубецкого на болгарский язык, Младенов использовал не нейтральный термин «човечество», а носящий этический оттенок, близкий также к русскому значению «человечность» термин «човещина».

Заключительным аккордом рецепции евразийства болгарской культурой стал перевод на болгарский язык «Европы и человечества», произведенный в 1944 г. Но даже этот перевод не позволил говорить о значительном влиянии евразийства на болгарскую культуру. Люцканов высказывает сожаление, что такое влияние — особенно персоналистических идей Трубецкого — было минимальным. Но при этом он признает, что болгарские интеллектуалы в то же самое время создали некий «аналог» евразийства — схожие антиевропоцентристские идеи — только вне связи с русскими евразийцами.

Анализу этих идей посвящена третья глава «Болгарские „соседи“ евразийства». В ней Люцканов отмечает таких авторов, как художник Петр Морозов, писавший, что болгары имеют свое собственное самобытное прикладное искусство, но не развивают его, а пытаются подражать иностранным образцам; археолог Богдан Филов, который также заявлял, что модернистское новое болгарское искусство не имеет связи со староболгарскими традициями византийской эпохи, хотя староболгарские

росписи, которые образованные болгары вообще не воспринимают как искусство, очень близки эстетике экспрессионизма. Люцканов указывает на параллелизм этих идей с концепцией «истинного», творческого национализма Н. С. Трубецкого. Кроме того, имелось немало авторов, которые подчеркивали туранский след в этногенезе болгар, в том числе уже упоминавшийся Стефан Младенов, который сказал примечательные слова: «Без помощи сравнительного индоевропейского и урало-алтайского языкознания мы бы... все еще считали обидным, когда нас называют гуннами, туранцами и монголами, тогда как на самом деле мы можем гордиться тем, что мы — не чистые славяне»⁴. Интерес к туранцам-булгарам (праболгарам, как называют их в Болгарии) характерен и для историка Петра Миятева. Люцканов даже обнаружил группу болгарских ученых, которая в чем-то напоминала русских евразийцев, — это кружок «Болгарская Орда». Он существовал в 30–40-е гг., и его идеологи возводили историю болгар к хуннскому государству, а в самих хуннах видели не варваров, а культурный народ, равный китайцам. Люцканов указывает на параллели идей «Болгарской Орды» не только с русскими евразийцами 20-х г., но и с учением Л. Н. Гумилева. При этом болгарский исследователь утверждает, что выдвижение на первый план славянских корней болгар (и замалчивание туранских и фракийских) отвечало конъюнктуре сталинистско-коммунистического режима, установившегося в Болгарии после 1944 г.

Не были чужды болгарские авторы и критике европоцентризма, что также сближает их с евразийцами. Но для болгар критика европоцентризма — это не только критика глобалистских претензий западно-европейской цивилизации, как для русских философов, но и критика грекоцентризма. Уже историк Феодор Шмидт (который, кстати, отмечал сирийские корни староболгарской культуры) утверждал, что античный эллинизм был древним европоцентризмом, а победа христианства — реваншем Востока. Эту идею развивал основатель болгарской фракологии Константин Стоянов, которого Люцканов сравнивает с Эдвардом Саидом. Отсюда Люцканов перебрасывает логический мостик к современности: греческая культура якобы мешает субъектности (самобытному развитию) болгарской культуры и антиэллинизм до сих пор актуален для болгар, как он был актуален для их предков — фракийцев. С другой стороны, конструируя «свою Элладу», болгары могут

⁴ Люцканов Й. (По)мислимостта на друг(ия)... С. 179.

компенсировать свой «комплекс перед греками» (как по заявлению Люцканова, создав «немецкую Элладу», немцы компенсировали комплекс перед французами, а русские, создав «русскую Элладу», — комплекс перед немцами).

Любопытно заключение к третьей главе, где Люцканов показывает, как все иные формы идентификации болгар, альтернативные славянской (хунно-китайская, ирано-туранская, фракийская, византийская), возрождаются после падения коммунистического режима в Болгарии.

В последней главе своей книги Люцканов рассуждает о рецепции идей персоналистов (Э. Мунье, Н. Бердяева и Л. Карсавина), а также сторонников неопатристического синтеза (В. Н. Лосского, Г. В. Флоровского) в межвоенной Болгарии. Как уже говорилось, с этой платформой он сближает раннего Н. С. Трубецкого; он возвращается к отзывам на работы Трубецкого и сравнивает их с болгарской реакцией на идеи Шпенглера. Болгарский ученый повторяет свою мысль о том, что русский мессианизм, лежащий в основе панславизма, якобы отводит болгарам роль «младшего брата» и, по убеждению Люцканова, мешает претворению их субъектности, сами же болгары, поддаваясь на чары русофильства, зачастую не могут подняться до осмысления культуроличности своего народа. Между русскими и болгарами Люцканов видит асимметрию: «Я придумал», — говорит русский, «Я емь», — хочет сказать болгарин».

Книга Люцканова полна оригинальных поворотов мысли, смелых гипотез, содержит отрывки из редких публикаций и их высокопрофессиональный анализ. При этом она далека от суховато-академического позитивистского исследования хотя бы тем, что автор не боится высказывать свое мнение и оценку и, более того, не боится переступить через стереотипы с многовековой традицией. Даже внешне книга выглядит необычно и заставляет задуматься о том, понимаем ли мы друг друга и возможно ли в принципе такое понимание. Во введении около половины текста написано по-болгарски, остальное — по-русски. Следующие главы написаны по-болгарски, но текст третьей главы дублируется по-немецки, а текст четвертой — по-английски. Для носителей трех из упомянутых языков (русского, немецкого, английского), в случае если они не знают болгарского и не могут прибегнуть к услугам переводчика, это может быть другая книга, нежели для болгарского читателя.

Показательна судьба текстов, собранных в книге Люцканова. Как признается сам автор, попытки опубликовать их в России

не удались. Почвеннический журнал ответил автору, что работы слишком академичны, а западнический — что слишком эссеистичны. Это заставило автора переработать книгу, и в окончательном варианте она стала книгой не только о евразийстве, но и о невозможности межкультурного диалога.

После выхода в свет всей книги она также не получила широкого резонанса в России, хотя исследования евразийства у нас достаточно популярны и привлекают внимание академического сообщества (как минимум, историков русской философии). На работу Люцканова, насколько мне известно, откликнулся лишь журнал «Ab Imperio» небольшой рецензией Игоря Янкова⁵. Попыток перевести книгу на русский язык, кажется, не предпринималось.

Впрочем, это и понятно. Книга Люцканова действительно может показаться (и, собственно, автор не скрывает, что к этому стремился) эпатажной русскому читателю — особенно читателю, выросшему на ритуально-сусальных рассуждениях о русско-болгарском кровном и религиозном родстве (читатель, выросший на трезвенных геополитических статьях К. Н. Леонтьева в большей степени готов к этому).

Перед нами взгляд на евразийство болгарского националиста (в том смысле, который вкладывал в это слово Н. С. Трубецкой, когда писал об «истинном национализме») — умного, творчески мыслящего, но совершенно не склонного к панславистским иллюзиям (впрочем, как и к «европоцентризму»). Его заботит лишь сохранение самобытности болгарской культуры и обретение болгарскими «истинной», т. е. полноценной, не сводящейся лишь к славянству самоидентификации. Любопытно, что, дистанцируясь от евразийства, Люцканов, похоже, не избежал его влияния. Подчеркивая туранские корни болгар, он предлагает свой вариант евразийства (вообще, если под евразийством понимать культурный синтез Запада и Востока, то евразийств много и славяно-туранский синтез российской цивилизации — лишь одна из их многочисленных версий).

Напоследок хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство. Русские националисты любят упрекать евразийство в предательстве русской идеи, в растворении ее в унифицирующей азиатской «орде». Парадокс ситуации в том, что националисты нерусские упрекают евразийство

⁵ Янков И. Йордан Люцканов. Ранното евразийство и българските му съседни. (По)мислимостта на друг(ия). София: «Проф. Марин Дринов», 2012. Рецензия. Ab Imperio. 4/2013. С. 294–301.

в совершенно обратном. Известный деятель башкирского национального движения 1920-х гг. Заки Валидов (Ахмет-Заки Валиди), посетивший в эмиграции в 1925 г. лекцию П. Н. Савицкого, вынес из нее мнение о евразийстве как о скрытом русском национализме и даже империализме, направленном на ассимиляцию восточных народов⁶. Это во многом напоминает и соответствующие обвинения Люцканова, что не случайно, ведь позиция Люцканова не является абсолютно объективной, он, повторим, глядит на евразийство с точки зрения нового нерусофильского болгарского национализма. Евразийцы бы сказали, что это периферийный, узкий национализм для «околоцарьградского», поствизантийского и постосманского месторазвития; этим он напоминает периферийные национализмы России-Евразии.

Как ни странно, доля истины есть и у тех и у других. Проблема связи евразийства и русского национализма (если подходить к ней научно-объективно, а не раздувать по поводу ее идеологические спекуляции) почти не исследована, но крайне интересна. Как известно, П. Н. Савицкий до своего обращения в евразийство, был идеологом правого крыла кадетской партии, т. е. принадлежал к течению русских национал-либералов. Даже в первом сборнике евразийцы продолжили именовать себя русскими националистами (в предисловии к сборнику — том самом, где впервые звучит название «евразийство», — говорится: «в делах мирских настроение наше есть настроение национализма»⁷). Трубецкой, рассуждая об «истинном национализме» в известной ранней статье, имел в виду, конечно, «истинный русский национализм»⁸ (он предложит заменить его «евразийским национализмом» лишь в конце 20-х гг.⁹). Савицкий еще дольше будет воспринимать русское евразийство как версию русского национализма, но антизападного и провосточного. С другой стороны, действительно, их национализм настолько далек от узкого этноцентризма, что иногда русские националисты не могут в нем даже узнать национализм. В любом случае, вопрос соотношения русского евразийства 20-х и русского национализма сложный, неоднозначный,

⁶ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998. Кн. 2. С. 288.

⁷ Исход к Востоку / под ред. О. С. Широкова. М.: Добросвет, 1997. С. 51.

⁸ Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. София, 1921.

⁹ Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.

и, к сожалению, Й. Люцканов не смог подойти к нему с должной степенью научной объективности.

То же самое можно сказать о проблеме межличностного взаимопонимания: Люцканов ее поднял, но, как мне кажется, так и не справился с ее диалектикой. Это не говоря уже о том, что вопрос о персонализме евразийцев в целом и Трубецкого в частности хорошо изучен в русской историко-философской литературе, взять хотя бы работы С. М. Половинкина¹⁰ или С. С. Хоружего¹¹ (да и затрагивая тему «евразийство и структурализм», Люцканов игнорирует знаменитую книгу П. Серю¹²). Впрочем, жанр книги Люцканова — не академическая монография, а интеллектуальные эссе, и свежесть и оригинальность его мыслей вполне компенсируют ее недочеты, которые являются таковыми лишь с позиций строгой позитивистской методологии. В любом случае книга Люцканова любопытна и ее стоит прочесть тем, кто интересуется евразийством 1920-х гг. и русско-болгарскими отношениями.

¹⁰ *Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.*

¹¹ *Хоружий С. С. Русь — новая Александрия: страница из предистории евразийской идеи (предисловие к публикации) // Начала. 1992. № 4.*

¹² *Серю П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе 1920–1930-е гг. / авториз. пер. с франц. Н. С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001.*

Библиография

1. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998. Кн. 2. С. 288.
2. Исход к Востоку / под ред. О. С. Широкова. М.: Добросвет, 1997. С. 52.
3. Люцканов Й. (По)мислимостта на друг(ия): ранното евразийство и българските му съседни. София, 2012. (На болг. яз.).
4. Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
5. Савицкий П. Н. Европа и Евразия // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1998. С. 157.
6. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. София, 1921.
7. Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.
8. Хоружий С. С. Русь — новая Александрия: страница из предыстории евразийской идеи (предисловие к публикации) // Начала. 1992. № 4.
9. Янков И. Йордан Люцканов. Ранното евразийство и българските му съседни. (По)мислимостта на друг(ия). София: «Проф. Марин Дринов», 2012. Рецензия. Ab Imperio. 4/2013. С. 294–301.

Rustem Vakhitov. The Bulgarian Background for Eurasianism: at the Intersection of Intellectual Fates (a review of J. Lyutskanov: *Ranneye yevraziistvo i ego bolgarskiye sosedi. (Ne) Myslimost Drogogo (gikh) (Early Eurasianism and its Bulgarian Neighbors. Are Other Alternatives Thinkable?)*).

In this review, the author analyzes the book of the Bulgarian scholar J. Lyutskanov *Ranneye yevraziistvo i ego bolgarskiye sosedi. (Ne) Myslimost Drogogo (gikh) (Early Eurasianism and its Bulgarian Neighbors. Are Other Alternatives Thinkable?)*, dedicated to the topic of Bulgarians in the early writings of the Eurasianists of the 1920's. The author also looks at the responses to Eurasianism in Bulgaria and to other Bulgarian intellectuals with similar points of view. In addition to reviewing the book, the views of its author on the relationship between Eurasianism and Russian nationalism and Russian-Bulgarian relations are critiqued.

Keywords: Eurasianism, Bulgaria, the Other, personalism, nationalism.

Rustem Rinatovich Vakhitov — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Political Science of Bashkir State University (Ufa) (Rust_R_Vahitov@mail.ru).